

**ВОРОВСКАЯ
ЛЮБОВЬ**

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

**РОМАН
СТРОГОГО РЕЖИМА**

ЭКСМО

МОСКВА

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 14

К 14 Казанцев К. Роман строгого режима / Кирилл Казанцев. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Казанцев. Воровская любовь).

ISBN 978-5-699-65511-3

Алтайскому олигарху приглянулся небольшой конезавод, и он решил его купить. Но хозяин конезавода Алексей Корчагин продавать предприятие отказался. С этого дня его жизнь превратилась в настоящий кошмар. Сначала коннозаводчика пытались запугать старыми, дедовскими методами: прокололи колеса автомобиля, пригрозили расправой. Потом подручные олигарха перешли к более решительным действиям — организовали несколько нападений на Корчагина и его близких. Когда и это не дало результата, олигарх решил коннозаводчика упрятать за решетку. Надолго. Он разработал хитроумный план «подставы», главную роль в которой отвел невесте Корчагина — Лиде...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65511-3

© Казанцев К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

«Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?»

Б. Гребенщиков

Сон был ни к селу ни к городу. Жуткое пламя охватило конюшню, взбудораженные лошади вырывались наружу, ломая перегородки. Ветер разносил огонь, перебрасывал его на племенных жеребцов... Вспыхивали гривы, хвосты — огненные кометы металась по опушке, оглашая пространство тоскливым ржанием. А у него вдруг отказали все конечности и голова — он стоял, как бронзовый идол, смотрел на все это и не мог определиться. Выплыло из тьмы и закачалось перед глазами бледное личико Лиды Холодовой — уродливая маска какого-то погорелого театра. Что это с ней? Это точно сон?..

Судорога впилась в мышцу. Алексей Корчагин чуть не подпрыгнул, затряс ногой. Сон в руку? Скорее в ногу, так его растак... Он лежал, неловко извернувшись, в какой-то узкой расщелине. Острый камень упирался в бедро, «высверливая» в нем лунку. Все в порядке, боль отступала, и наваждение рассасывалось. Он уснул на пару минут, время детское: сорок минут пополуночи. Над головой — ночное небо, испещ-

ренное крапинками звезд, луна сияла, как прожектор. Четверо друзей окопались на склоне, усеянном обломками скал. За бруствером из крапчатого гранита тянулась каменная тропа — она петляла по дну перевала, ныряла во тьму. Напротив — помпезные отроги Турочанского хребта, величавые скалы, расставленные в шахматном порядке, обрывистые, причудливые. Справа пропасть — лучше не смотреть, высота офигенная, но можно и взглянуть, чтобы избавиться от прилипчивой сонливости: Алексей подался вправо, перевалился через косогор. Картина открылась нереальная, даже ночью все видно, как днем. Под кручей распростерлась живописная долина. Предгорья сглаживались, за вьющейся змейкой Баратынкой виднелись шапки хвойного леса. А далее начинался родной Аргабаш — поселок городского типа, районный центр на северо-востоке Горного Алтая, равномерно разбросанный по всей долине. Пятнадцать тысяч душ, райский уголок, лучшее место на планете... А за городом поблескивало в лунном свете знаменитое озеро Алтын-Коль, вместителище идеально чистой пресной воды, излюбленное место паломничества туристов. Огромный водоем змеевидной формы, окруженный живописными горами — шириной до четырех километров, в длину — за семьдесят. В озеро втекали сотни ручейков и горных рек, а

вытекала лишь одна — быстроходная Пия. Она неслась на север, через горы, напивалась водами впадающих в нее потоков и через триста километров превращалась в великую сибирскую реку, насквозь прорезающую страну...

— Леха, ты чего там шуришь? — прошептал Антон Вертковский, зарывшийся в соседнюю расщелину.

— В гранит решил отлить, — сострил Коптелый.

— Не спится что-то, пацаны, — шепнул Корчагин, ползком возвращаясь на место. — Дышу вот, наслаждаюсь...

— Ага, экология тут прикольная, — согласился Коптелый. — Хоть задышись...

— Не экология, а природа, — возразил рассудительный и начитанный Антон. — Экология — это там, где заводы и машины... Надоела, пацаны, эта ваша природа. Ненавижу ждать, срок минут уже прошло. Все кости отлежал, всякая хрень в голову лезет. Это муторнее, чем одеяло в пододеяльник запихивать, блин...

За друзей Алексей был спокоен — будут ждать и день и ночь. Все свои, друг за друга горой, четыре мушкетера нервно курят со своим «один за всех...». Всем по двадцать три, неразлейвода еще со школы, сколько раз вытаскивали друг друга из неприятностей. Все остались в Аргабаше, никто не уехал за лучшей жизнью.

Разве что сам Алексей пытался освоить премудрую науку управления народным хозяйством в Новосибирске, но проучился три семестра, ошалел от скуки, бросил, отслужил в Юрге и вернулся на историческую родину, зарекшись раз и навсегда расставаться с отчим домом. Зачем ему высшее образование? Был бы мозг, а знания и умения приложатся. Шура Коптелый (фамилия — лучше любого погоняла) — рябой, корноухий, вылитый гриб-сморчок, но жилистый, резкий, с толковой головой — работал автомехаником в Аргабаше и тоже не помышлял о лучшей доле. Антон Вертковский — здравомыслящий, подтянутый, армейку отслужил в Кремлевском полку (за что и заслужил логичную погремуху Фрунт), единственный женатый из всей компании — трудился в частной охранной фирме, неплохо зарабатывал. Вовка Струве — внешне нескладный, с рыбьим лицом и выпуклыми глазами, носил по жизни кличку Рыба и усердно пытался добиться успехов на ниве оптово-розничной торговли, являясь совладельцем мелкой посреднической конторы. И уже понимал, что коммерция — не его, лучше бы пошел в маститые писатели...

— Эй, пацаны, а Рыба-то где? — встрепенулся Алексей, обнаружив отсутствие товарища.

— Ну, ты сразил, Леха, — ухмыльнулся Антон. — На разведку пошел, ты же сам его отправил.

— Сон неудачный приснился — и память отшибло, — посочувствовал Коптелый. — Вспоминай, Леха, ты должен это сделать...

С памятью действительно творилось что-то неладное. И предчувствия были соответствующие. Но он гнал их из головы, старался не думать о неприятностях. Делай, что должен, и пошло оно все... Покатился камень, что-то чиркнуло, и гранитная глыба, заслонившая тропу, исторгла человеческое тело. Озаренное мерцанием, оно перепрыгнуло через канаву и уже карабкалось на склон — немного нескладное, но мобильное и достаточно устойчивое к колебаниям. Через минуту Вовка Струве, пыхтящий, как паровой котел, уже перевалился за косогор к друзьям.

— В натуре, Леха, они идут, не соврал твой доносчик... — зашептал он вдохновенно. — Трое их, навьюченные лошади, и Ракович, поганец, там точно за главного...

— Отлично, пацаны, подползаем, но чтобы не светиться. Сделаем этим гадам тюнинг с рестайлингом... Чего это у тебя, Коптелый? — он покосился на Шуру, который с плотоядным урчанием извлекал из заплечной сумки дубинку, оказавшуюся в лунном свете бейсбольной битой.

— Спецсредство, не видишь?

Сердце колотилось, как надорванное. Организм уже хапнул дозу адреналина. Значит, не

пустой был звон... Алексей получил сигнал еще днем: шепнул бухгалтер его конторы, делая страшные глаза — мол, конюшенный работник Ракович проворачивает дела у работодателя за спиной. Причем темнил неоднократно — заимствует на ночь лошадок и что-то тащит на них за перевал. А Леха об этом ни слухом ни духом. А сегодня бухгалтер подслушал разговор Раковича по телефону, сделал выводы. Давно не нравился Алексею этот тип — смутный, без внятной биографии, молчун, себе на уме. Но с обязанностями справлялся, с лошадьми ладил, не поднималась рука избавиться от старательного работника. Ничего, мы еще посмотрим, что они там тащат — хотя он, кажется, догадывался...

От напряжения звенело в ушах. Друзья подползали к тропе, каждый выискивал себе укрытие. Ждали, подобравшись, помалкивали. Волнующий момент — еще не так азартно, но адреналин уже поступает...

— Жесткач, мля... — зачарованно вымолвил Коптелый. — Аж душа вибрирует, а еще ночь такая лунная, словно смотрит кто-то с неба... Слушай, Леха, а как узнать, есть ли бог?

— Умереть, блин, — буркнул Алексей. — Там и узнаешь. Шептало закрой, Коптелый, спать мешаешь...

Фыркали лошади, скрипели камни под ногами людей и копытами животных. Из-за глы-

бы, висящей над тропой, выбирался «караван». Лошади тащили мешки, переброшенные через крупы. Люди вели их за уздцы, то и дело сбиваясь с тропы, спотыкаясь, переругиваясь. Корчагин заскрипел зубами — он узнал лошадей из своего хозяйства: Бурана, Тихоню, каурюю Метелицу — трехлетнюю смирную красавицу. А ведь еще терялся в догадках — почему у Метелицы все копыта сбиты, вроде не должны. А еще глаза такие грустные, бок ободран. Выходит, и сторожа в теме, иначе как бы они животных из конюшни выводили? Что же они делают, уроды?! Это ведь ездовые лошади — не упряжные, не тяжеловозные! Праведный гнев выбросил его из укрытия, когда люди и кони поравнялись с засадой. Возмущенно крича, он бросился в атаку — друзья за ним. Четверо парней слетели с горки и набросились на растерявшихся «караванщиков»! Те загорланили, бросили упряжь, заблестели в лунном свете ножи!

— Атас, братва!!! — надорванно голосил долговязый истерик. — Мочи их!!!

Шарахнулись, заржали кони. А противники уже схлестнулись. Не устоять вражинам, их меньше, да и дело у них заведомо неправое! Алексей отметил краем глаза, как Коптелый с восторженным воем перелетел через круп Бурана (циркач, блин), махнул бейсбольной битой. Звякнул «свинокоп», выпав из руки, завопила долговя-

зая бестолочь. Мерцал перед глазами коренастый тип — практически бритый, в кожаной безрукавке, все предплечья исписаны «мастюхами»! Тот встал в хищную позу, ждал, перебрасывая нож из руки в руку. Алексей налетел, особо не планируя, знал, что получится. С такой-то злобой и чтобы не получилось?! Лезвие со свистом рассекло ночной воздух — действительно, какая экология, пардон, природа... Пригнулся, выбрасывая правое плечо, не до умных захватов и блоков — просто долбанул по корпусу, и крепыш полетел с тропы, совершив аварийную посадку в гуще каменной мелочи. Хер-рась! Долбанулся хребтиной, но нож не выпустил. А Леха развивал успех, подлетел, пинком выбил «свинокоп» из трясущейся руки, ушел от пятки, вознамерившейся проломить ему лодыжку, и рухнул всей массой на татуированного типа.

— В натуре, сука, падла... — хрипел тот, пытаясь вырваться из медвежьего захвата. Он запечатал Алексею по печени, отчего тот только разъярился и больше оппоненту спуску не давал. Он бил по небритой роже, по сверкающим глазам — бил до полного усвоения. Но вовремя остановился — убивать не стоило. «Контрабандист» хрипел, давясь обломками зубов, плевался кровью. Алексей скатился с него, схватил за шиворот и потащил на тропу, где бросил под ноги буланому Тихоне. Драка практически за-

вершилась. Коптелый отбил бейсбольной битой долговязому весь ливер и как-то задумался, поигрывая свежеприобретенным ножом — не выпустить ли этому проходимцу все его двенадцать метров кишечника? Передумал, швырнул холодное оружие в пропасть и сверкнул белозубой улыбкой.

— А чё, я крут...

Лишь «вольнонаемный» Ракович не желал сдаваться. Он был скользкий, как рыба-угорь, верещал, как баба. Убегал от Вовки и Антона, метался по каменистой горке и голосил болотной выпью:

— Пацаны, вы что удумали, вы обалдели! Вас же уроют!!!

Но с точки зрения Вовки и Антона, их занятие было вполне достойным делом для пацанов. С сатанинским хохотом они носились за Раковичем, загоняли под козырек скалы, перебраться за который было трудно. Антон метнулся, чтобы схватить того за ноги, — не удалось, и Антон душевно треснулся грудиной. Ракович пятился на склон, из-под ног выскальзывали камешки, сыпалась глина. Он затравленно вертелся, выл на полную луну.

— Втетерь ему, Вован! — возмущенно выкрикнул Антон, и Ракович проморгал — Вовка Струве оттолкнулся обеими пятками от выступа

в скале, послал себя вперед, подсек предплечьем вражескую коленку изнутри и радостно закричал:

— Лови подачу!!! — когда противник не устоял на одной ноге и покатился, сотрясая внутренности...

Лошади сбились в кучу, встревоженно прыдали ушами, но не разбегались, чуя, что законный хозяин где-то рядом. Избитых «контрабандистов» друзья сложили рядом и нависли над ними дамокловыми мечами. Они плевались сгустками крови, стонали от боли. Долговязый дылда — физия характернее некуда, расписанный наколками крепыш, мутный Ракович — мужик под сорок с длинными обезьяньими руками и корявыми, изогнутыми наружу «задницами» конечностями. Первые двое — определенно сиделые господа. Вечное проклятие райского уголка под названием Аргабаш. Неподалеку зона общего режима, многие зэки, отбарабанив срок, предпочитают не возвращаться «в Россию», а остаются здесь — обзаводятся хозяйством, семьей. Кто им запретит? Многие снова идут на дело, убывают обратно за колючку, кто-то завязывает с прошлым, кто-то мышкует, как эти двое, например. Не сказать, что городок Аргабаш погряз в криминальных элементах, но временами их присутствие было очень даже заметно...

Эти трое боялись подняться, отчетливо понимая, что их уже «сделали». Они сдавленно матерились сквозь уцелевшие зубы, елозили задницами по тропе. Поколотили их с душой — места живого на мужиках не осталось.

— Они лежали молча в ряд, — глубокомысленно изрек Антон Вертковский, созерцая поверженное войско.

— Трутся спиной медведи, — хохотнул Коптельный, поигрывая битой. — Красавцы, чтоб их... Таких и шлепнуть не жалко.

— Это точно, — согласился Вовка Струве. — Для охотников за органами они уже не представляют интереса.

— Вы кто такие, вашу мать... — прохрипел, потрескивая разбитой челюстью, любитель тату. — Чё это было, козлы?

— Древнее проклятие, господа, — охотно откликнулся Коптельный, приближаясь с битой — он был твердо убежден, что за козлов нужно отвечать.

— Ты бы поосторожнее с древними проклятиями, — на всякий случай предупредил Антон.

— Алексей Дмитриевич, что мы вам сделали? — простонал, держась за отбитые бока, Ракович. — Откуда вы взялись?

— С орбитальной станции «Мир» прыгнули, — объяснил Алексей. — Кстати, Ракович, я